

СУДЬБА ЗАКОНОПРОЕКТА О СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИНАХ (1905–1914)

© 2008 г.

Ф.А. Селезнёв

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vest-unn@unn.ru

Поступила в редакцию 24.01.2008

Статья посвящена анализу разработки и обсуждения законопроекта о старообрядческих общинах. Подробно рассматриваются дебаты в Государственной думе (1909), посвященные судьбе указанного законопроекта. Статья базируется на официальных документах и стенографических отчётах заседаний Государственной думы. Особое внимание уделено деятельности Д.В. Сироткина – одного из основателей общероссийского старообрядческого движения. Описываются отношения между старообрядцами и отдельными фракциями Государственной думы.

Ключевые слова: старообрядческие общины, Государственная дума, законопроект.

19 апреля 1905 г. государь император Николай II изволил начертать в своём дневнике: «Христосовался со старообрядцами» [1, с. 258]. Эта краткая запись ознаменовала начало новой эпохи в истории Древлеправославного христианства. Накануне, 16 апреля 1905 г., в Страстную субботу, по распоряжению государя, были распечатаны алтари в храмах Рогожского кладбища и разрешено там богослужение. А 17 апреля 1905 г., в Светлое Христово воскресенье Николай II подписал указ, который позволял существование старообрядческих общин как юридических лиц со своим движимым и недвижимым имуществом.

Для рассмотрения соответствующих указу 17 апреля 1905 г. законопроектов было создано Особое совещание во главе с графом А.П. Игнатьевым. В него вошли и представители старообрядцев. Более того, Игнатьев предложил старообрядцам самим разработать устав своих общин, для последующего утверждения правительством.

Положение о церковно-приходской старообрядческой общине было подробно обсуждено на VI Всероссийском съезде старообрядцев (поповцев белокриницкой иерархии, или, как их часто называли, «австрийского согласия») в Нижнем Новгороде в августе 1905 года. Вниманию съезда было предложено 7 проектов (в том числе епископа Иннокентия, а также начётчиков Ф.Е. Мельникова и В.Е. Макарова). Вокруг многих пунктов проектов разгорелись жаркие споры. Они явились следствием борьбы трёх основных сил внутри старообрядчества белокриницкой иерархии: попечителей, духовенства и начётчиков.

Попечители (богатые купцы во главе с нижегородским пароходчиком Д.В. Сироткиным)

являлись организаторами всероссийских старообрядческих съездов. В эпоху, когда духовенство белокриницкой иерархии не признавалось и преследовалось властями, съезды играли главную роль в церковно-общественной жизни «австрийского согласия». Но и после снятия в 1905 г. религиозных ограничений руководство съездами не собиралось уступать своего лидерства Освящённому собору во главе с архиепископом Иоанном.

Что касается начётчиков (мирян, допущенных к чтению религиозных текстов в церкви или на дому у верующих), то в старообрядчестве им принадлежала особая роль. Начётчики вели диспуты с миссионерами «господствующей церкви», выступали как авторы религиозно-публицистических сочинений, просветители и пропагандисты. Они являлись интеллигенцией старообрядчества и, как правило, были негативно настроены по отношению к светским и духовным властям.

Начётчики (за небольшими исключениями, например, в лице лояльного к самодержавию М.И. Бриллиантова, близкого друга Д.В. Сироткина) представляли левое крыло старообрядчества. Некоторые из них открыто сочувствовали общероссийским левым партиям. Попечители в целом придерживались октябристской ориентации. Духовенство, как правило, занимало умеренно-консервативные позиции (хотя отдельные его представители, вроде епископа Нижегородского и Костромского Иннокентия, явно симпатизировали кадетам и левым).

В 1905–1912 гг. между духовенством и попечителями шло упорное противоборство. Начётчики в нём также участвовали, примыкая то к той, то к другой стороне. Так, на VI съезде по самому острому на тот момент вопросу –

по поводу характера допуска женщин на приходские собрания попечители и начётчики (Д.В. Сироткин, М.И. Бриллиантов, В.Е. Макаров, И.К. Перетрухин) высказались за предоставление права голоса на собраниях всем совершеннолетним женщинам. Архиереи (архиепископ Иоанн, епископ Уральский Арсений, епископ Нижегородский и Костромской Иннокентий) и священники соглашались допускать на приходские собрания с правом голоса только вдов и известных благотворительниц [2, с. 11].

После жарких дебатов VI съезд всё-таки пришёл к общему мнению, выработав в главных основаниях «Положение о церковно-приходской общине». Для его доработки была создана комиссия во главе с автором одного из проектов, начётчиком Ф.Е. Мельниковым. Затем этот документ Советом съездов был передан, во-первых, в комиссию графа А.П. Игнатьева, а во-вторых, премьеру С.Ю. Витте. На основе этого проекта департамент общих дел МВД выработал правительственный законопроект, предназначенный для внесения в Государственную думу. Однако в июле 1906 г. I Дума была распущена. Теперь дело откладывалось до новых выборов. Старообрядцы, однако, уже устали ждать. И вот Сироткин на следующем, VII Всероссийском съезде (август 1906 г., Нижний Новгород) предложил послать телеграмму вступившему в должность премьера Столыпину, чтобы «Положение о старообрядческих общинах» было издано до созыва новой Думы, царским указом. Съезд поддержал Дмитрия Васильевича, и соответствующая телеграмма была послана.

Столыпин быстро откликнулся на просьбу старообрядцев. 17 октября 1906 г. был издан Указ Николая II Сенату о введении в действие «Правил о порядке устройства последователями старообрядческих согласий общин, а также правах и обязанностях сих лиц». Правила были изданы на основании 87-й статьи Основных законов Российской империи. Это означало, что они будут действовать до одобрения (или отклонения) Государственной думой и Государственным советом соответствующего Указа законопроекта. Такой законопроект был внесён правительством П.А. Столыпина в Государственную думу 20 февраля 1907 г.

Однако содержание Указа 17 октября 1906 г., вполне устроившее старообрядческую буржуазию, далеко не удовлетворило священнослужителей и начётчиков. По их инициативе 15–17 мая 1907 г. в Москве на Рогожском кладбище состоялся III чрезвычайный съезд старообрядцев (белокриничкой иерархии). Он выска-

зался за то, чтобы из правительственного законопроекта были убраны статьи о собраниях, советах, духовных лицах, настоятелях и наставниках общины как относящиеся к её внутреннему распорядку. А правила последнего, по мнению съезда, должны были устанавливаться не государством, а властью старообрядческих иерархов и съездами старообрядцев. Кроме того, в оставшиеся статьи правительственного законопроекта III чрезвычайный съезд предлагал внести следующие изменения:

- снизить минимально необходимое число учредителей общины с 50 до 10 человек;
- лишить администрацию права закрывать общину;
- не вменять ведение метрических книг в обязанность старообрядческим священникам.

Вопрос о метрических книгах оказался самым болезненным. Он обнажил все противоречия между духовенством и попечителями и привёл к острому конфликту между ними. Сами метрические книги для регистрации рождений, смертей и браков старообрядцев появились по закону 1874 г. и заполнялись полицией, что само по себе претило религиозному чувству старообрядцев. Кроме того, вступающие в брак должны были доказать своё состояние в старообрядчестве от рождения, что было хлопотно и унижительно. В силу этого старообрядцы, как правило, избегали официальной регистрации своих браков. Между тем только занесённый в метрическую книгу акт мог повлечь за собой гражданские последствия, в том числе имущественные. Это создавало большие неудобства для предпринимателей-старообрядцев. Поэтому они через Совет съездов неоднократно обращались к правительству с просьбой передать ведение метрических книг старообрядческим священникам. Но, как оказалось, теперь старообрядческое духовенство не желало брать на себя ведение метрических книг, поскольку это налагало на него ответственность перед государством и ставило под контроль администрации. Это и было заявлено на III чрезвычайном съезде старообрядцев.

Как только этот съезд (собравшийся вопреки воле председателя Совета съездов Д.В. Сироткина) принял своё постановление о метриках, Дмитрий Васильевич покинул заседание и вообще уехал из Москвы. А уполномоченные съезда передали исправленный проект закона с объяснительной запиской в вероисповедную комиссию II Государственной думы.

Однако Сироткин не собирался так просто уступать. Тем более что II Государственная ду-

ма была вскоре распущена, и её труды остались без последствий. На VIII съезде старообрядцев (состоявшемся в Нижнем Новгороде 2–5 августа 1907 г.) Дмитрий Васильевич (как утверждали его противники) «несмотря на то, что в порядке дня совсем отсутствовал вопрос о законопроекте об общинах, насильственно поставил его на очередь и при помощи недопустимых ни в каком порядочном собрании приёмов, большинством 54 против 37, перерешил постановления» Московского съезда [3, с. 253].

Это не значит, что все предложения III чрезвычайного съезда были отвергнуты. Наоборот, VIII съезд после повторного постатейного обсуждения правительственного законопроекта в основном согласился с поправками Московского съезда. Но в вопросе о метриках «нижегородский» вариант принципиально отличался от «московского» и сильно походил на правительственный. Если Московский съезд внёс поправку, дающую старообрядческой общине право отказаться от ведения метрических книг, передав их заполнение волостному правлению или городской управе, то «нижегородский» вариант, наоборот, делал ведение метрик обязательным для общины. Правда, по предложению нижегородского съезда, вести их могли бы не только «духовные лица, настоятели и наставники старообрядческих общин», как это предусматривал проект МВД, но и «особые лица», специально выбранные для этого общиной. А духовным лицам и наставникам поручалось лишь скреплять их записи своей подписью. Но при этом старообрядческие духовные лица, как и хотело правительство, отвечали перед законом за неправильное ведение книг и могли подвергаться соответствующим взысканиям [4, с. 13–16].

Далее проект закона о старообрядческих общинах, одобренный VIII съездом, с подачи Д.В. Сироткина был внесён в соответствующую комиссию III Государственной думы как выражающий пожелания всех старообрядцев. (Думская комиссия по старообрядческим вопросам во главе с кадетом В.А. Карауловым была избрана 4 декабря 1907 г.) Оппоненты Сироткина запротестовали. Московское братство Честнаго и Животворящего Креста Господня (где главную роль играли начётчики) поспешило ознакомить Караулова и других членов старообрядческой комиссии с постановлениями чрезвычайного московского съезда.

Между тем беспоповцы Преображенского кладбища также решили примкнуть к постановлениям III чрезвычайного съезда [5, с. 255]. Это полностью меняло расклад сил. Обеспокоенный Сироткин 5 января 1908 г. вместе со своим

ближайшим соратником, М.И. Бриллиантовым, явился на Преображенское кладбище, где как раз шло совещание беспоповцев при участии членов парламентской старообрядческой комиссии В.А. Караулова и А.И. Гучкова. Сироткин и Бриллиантов начали уговаривать беспоповцев не входить в думскую комиссию с заявлением о присоединении к решениями III чрезвычайного съезда, а поддержать нижегородский проект. Причём и в него Сироткин был готов внести изменения, лишь бы беспоповцы не входили с отдельным представлением в Государственную думу. В результате совещание на Преображенском кладбище постановило, что для беспоповцев метрические книги ведутся в общественных и государственных учреждениях, а для поповцев – самими старообрядческими общинами, как и хотел Сироткин. Кроме того, по желанию Сироткина, Совещание внесло в проект закона пункт об учреждении постоянного «Совета съезда общин», который бы представлял все направления старообрядчества перед правительством.

Появление этого нового пункта можно объяснить тем, что Совет съездов старообрядцев, возглавлявшийся Сироткиным, в это время находился в состоянии конфликта с верхами духовенства белокриницкой иерархии. Авторитет Совета съездов поэтому упал. Но преобразование Совета съездов, фактически собиравшего только поповцев «австрийского согласия», в Совет съездов общин всех толков, сделало бы Дмитрия Васильевича общероссийским вождём старообрядчества и поставило бы его над архиереями. Поэтому противники честолюбивого нижегородского купца сразу забили тревогу. Они увидели в «этой затее» давнишнее желание Сироткина «создать в старообрядчестве нечто вроде Синода», захватить «под шумок» власть «обер-прокурора» и дать «тёпленькое местечко своему протезе» Бриллиантову [5, с. 256]. Тут же собрались на совещание архиереи белокриницкой иерархии во главе с архиепископом Московским Иоанном, которые единогласно осудили «единоличные действия» Сироткина и Бриллиантова, «выдающих свои желания за мнение старообрядчества». Одновременно участники совещания присоединились к решениям III чрезвычайного съезда по проекту закона о старообрядческих общинах. Совещание избрало епископа Рязанского и Юрьевского Александра для передачи в думскую комиссию соответствующей докладной записки [5, с. 256]. С Сироткиным же архиереи теперь не желали иметь никаких дел. 27 июня 1908 г. на Освящённом соборе в Москве архиепископ Иоанн, в ответ на

прошение М.И. Бриллиантова прислать депутатов Собора на IX старообрядческий съезд, ответил: «Собор не посылает к вам депутатов и вас не приглашает». Обосновал своё решение владыка так: «Ваши председатели и деятели – бритые и не соблюдают постов» [6, с. 751].

Конечно, причина конфликта заключалась не только в том, что, скажем, товарищ председателя Совета съездов П.П. Рябушинский, известный предприниматель и европейски образованный человек, брил бороду, оставляя от неё только небольшой клинышек. Вопрос о бритве играл роль предлога. Газета «Нижегородский листок» по этому поводу писала: «...съездам противопоставляются соборы. По-видимому, этой борьбой объясняется и поход против “брадобрийцев”, какими именно и являются те сильные люди в старообрядчестве, которые имели голос при прежних порядках» (когда они опекали гонимое властями духовенство) [7]. Но теперь духовенство хотело освободиться от этой опеки. Его настроение на Освящённом соборе июня 1908 г. священник Алексей Калягин выразил так: «Съезды – случайное явление в жизни. Их задачи теперь выполняет Освящённый собор» [6, с. 751].

Противники съездов утверждали, что «теперешние съезды – это группа купцов и богатеев, приехавших на ярмарку; группа капиталистов, которые ради честолюбия хотят играть роль руководителей старообрядчества» [7]. «К чему решать или лучше перерешать вопросы съехавшимся на Нижегородскую ярмарку торговцам, когда они уже получили известную форму постановлениями всей Церкви в лице Собора?» – вопрошал журнал «Старообрядцы» [6, с. 721].

И всё-таки епископ Иннокентий и несколько священников, участвовавших в Освящённом соборе, удостоили своим присутствием следующий, IX съезд старообрядцев (Нижний Новгород, 2–5 августа 1908 г.).

Однако оппоненты Сироткина прибыли на съезд не просто так. Они желали добиться своего в вопросе о метрических книгах. Они предложили своего рода «нулевой» вариант: вновь постатейно обсудить правительственный законопроект о старообрядческих общинах без учёта решений как III чрезвычайного, так и VIII съездов. Конечно, это не устраивало Сироткина – велика была опасность, что пройдут поправки, его не удовлетворявшие, в частности в вопросе о метриках. Но и прямо отвергнуть эту идею он не мог, опасаясь обвинений в диктаторстве и непочтении к духовенству. Тогда «хитрый Митрий», как его называли на Волге, для видимости пошёл на компромисс. Он согласился с

новым пересмотром законопроекта, но убедил делегатов не вносить изменения прямо на съезде, а выбрать для этого особую комиссию. В комиссию же вошли в полном составе и члены Совета съезда во главе с самим Д.В. Сироткиным. Таким образом, он мог блокировать все нежелательные изменения.

В итоге всех согласований в вопросе о метриках Сироткин добился чего хотел. Данный раздел законопроекта был отредактирован Старообрядческой комиссией Государственной думы в соответствии с пожеланиями нижегородского купца и других попечителей: у поповцев запись актов гражданского состояния велась общиной, беспоповцы имели право передать ведение метрик городским управам и волостным правлениям. Старообрядческая комиссия удовлетворила и главное требование древлеправославного духовенства. Его представителей она предложила именовать «священнослужителями по старообрядчеству, именующимися иерархическими по старообрядчеству наименованиями». До этого старообрядческих духовных лиц государство не признавало священнослужителями, а архиереям белокрыницкой иерархии не разрешалось называть себя «епископами» и «архиепископами».

Старообрядческая комиссия пошла навстречу и пожеланиям начётчиков. Их позиция нашла отражение в докладной записке Братства Честного и Животворящего Креста Господня. Ключевым пунктом в ней было предоставление древлеправославным христианам свободы проповеди своего учения в нестарообрядческой среде (свобода религиозной пропаганды) [5, с. 262]. Для этого требовалось отменить ст. 4 части 1 тома II Свода законов, дававшего право миссионерской деятельности только Православной церкви. Естественно, это должно было встретить сопротивление православного духовенства и правительства. Тем не менее Старообрядческая комиссия внесла в законопроект поправку, в целом соответствующую (хотя и не в такой резкой форме) указанному пожеланию Братства Честного и Животворящего Креста.

Это было вполне естественно, учитывая состав Старообрядческой комиссии. Её членами являлись: конституционные демократы В.А. Караулов (председатель) и В.А. Маклаков, октябристы А.И. Звегинцев (товарищ председателя), А.И. Гучков, П.В. Каменский, И.Л. Спирин, Ф.Н. Плевако, Е.И. Тихонов, умеренно правые Д.П. Гулькин, Н.С. Балалаев, М.К. Ермолаев, епископ Евлогий, правые С.Н. Клочков, Г.А. Шечков, А.А. Златомрежев, трудовик И.Л. Мерзляков.

Как видим, большинство в комиссии составляли октябристы, а их партия имела со старообрядцами давние связи [8.]. Кроме того, сам лидер октябристов, А.И. Гучков, происходил из влиятельного купеческого рода беспоповцев-федосеевцев. Правда, в 1850-е гг. Гучковы перешли сначала в единоверие, а потом и в православие [9, с. 220]. Но симпатии к старообрядцам и стремление им помочь октябристский вождь сохранил. По его инициативе во время Русско-японской войны разрешено было допускать старообрядческих священников в госпитали, для духовной поддержки умиравших солдат-старообрядцев [10. Стб. 1384–1385]. Чтобы старообрядцы непосредственно могли участвовать в работе над законом, фракция Гучкова ввела в состав комиссии двух своих членов, исповедовавших древлеправославную веру, – крестьянина-торговца И.Л. Спирина и тёрского казака Е.И. Тихонова.

Единственный в комиссии трудовик, вятский крестьянин И.Л. Мерзляков, также был старообрядцем. Умеренно-правые, для которых равно важны были как поддержка православного духовенства, так и симпатии крестьян-староверов, направили в думскую комиссию двух священнослужителей – епископа Евлогия и Н.С. Балалаева и двух приверженцев древлеправославного христианства – крестьян-черносотенцев Д.П. Гулькина и М.К. Ермолаева. Во фракции Народной свободы старообрядцев не было. Однако кадеты были принципиальными сторонниками религиозной свободы и противниками правительства. Поэтому они одобрительно отнеслись к либеральной правке старообрядческого законопроекта в пику властям и господствующей церкви. И лишь фракция правых, направив в комиссию православного миссионера (С.Н. Ключков) и священника (А.А. Златомрежев) показала, что не желает либерализации правительственного законопроекта. Однако правые в комиссии погоду не делали. Поэтому вопреки их сопротивлению в законопроект были внесены крупные и принципиальные поправки.

Две из них (о свободном проповедовании своей веры и признании старообрядческих духовных лиц священниками) мы уже назвали. Кроме того, важная поправка вносилась в ст. 4. Она снижала минимально необходимое число учредителей общины с 50 до 12 человек. Комиссия также высказалась за явочный порядок регистрации общин. Причём они должны были регистрироваться не в губернском правлении, а в особом присутствии по обществам и союзам. Духовные лица и старосты старообрядческих

общин согласно поправке комиссии должны были не «утверждаться», а лишь регистрироваться губернским правлением. Сокращено было число поводов отказа от регистрации. Так, комиссия вычеркнула из отрицательных условий, препятствующих регистрации старообрядческих духовных лиц, исключение из состава своего сословия.

Доклад председателя Старообрядческой комиссии В.А. Караулова об этих изменениях был заслушан Государственной думой 12 мая 1909 г. Поскольку рассматриваемый законопроект напрямую касался и интересов господствующей церкви, то следом слово предоставили председателю думской комиссии по делам Православной церкви В.Н. Львову. Львов одобрил правительственный законопроект, но высказался против поправок, внесённых в него Старообрядческой комиссией. Он заявил, что право проповедования, внесённое Старообрядческой комиссией в закон, – это, по сути, право религиозной пропаганды, которое может быть только у господствующей церкви. Львов также высказался против узаконения старообрядческих иерархических наименований, поскольку они совпадают с таковыми в господствующей церкви, а «с точки зрения государственности, находящейся в союзе с Православной церковью, говорить об узаконении той иерархии, которая оспаривает права иерархии Православной церкви, нет возможности». Наконец, председатель комиссии по делам Православной церкви высказался и против явочного порядка регистрации старообрядческих общин, т.к. «многие согласия настолько уклонились от основного понятия старообрядчества, что уже совершенно приблизились к сектантству», а «где так обстоит дело, явочный порядок невозможен, а возможен только разрешительный» [10. Стб. 1010–1022].

Схожую позицию занял говоривший от имени правительства заместитель Столыпина по МВД С.Е. Крыжановский. Он заявил, что старообрядцы «всегда были верными сынами России», и поэтому правительство относится с величайшим вниманием к их нуждам. Здесь Крыжановский напомнил о правительственных мерах помощи возвращающимся на родину зарубежным старообрядцам и о наделении их земель. Соответственно «при рассмотрении настоящего законопроекта в комиссии Правительство шло навстречу всем пожеланиям, имеющим целью расширить и упрочить права и положение как старообрядцев, так и старообрядческих общин». В этом направлении правительство «шло до предела, преступить который не может по соображениям, вытекающим из отно-

шения Российского государства к Православной Церкви и высших интересов государственного и общественного порядка». В связи с этим Крыжановский обозначил два основных «разномыслия» между правительством и думской комиссией. Одно касалось вопроса о наличии в старообрядчестве священства, другое – предоставления старообрядцам права пропаганды. Крыжановский утверждал, что термин «священство» есть вполне определенное каноническое понятие, которое Господствующая православная церковь признаёт только в тех исповеданиях, «в которых сохранилась иерархия, преемственная по рукоположению от святых апостолов». Поэтому «все духовные лица, которые именуются в старообрядчестве епископами, священниками, диаконами, суть в глазах нашей церкви, равно как и в глазах церковью восточных, простые миряне». Так же на них смотрит и государство. Завершая свою речь, Крыжановский предупредил, что правительство не согласится с поправками о пропаганде и священстве «ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах» [10. Стб. 1024–1027]. Это означало, что законопроект вообще мог не вступить в силу из-за трёх конфронтационных поправок Старообрядческой комиссии. Но октябристы, которые, по словам их лидера Гучкова, в комиссии «единогласно и настойчиво» поддержали эти поправки, не захотели идти на попятную. По мнению Гучкова, «эти три пункта» носили принципиальный характер, поскольку являлись «единогласно подсказанными всеми старообрядческими голосами России» [10. Стб. 1380].

В ходе дебатов, состоявшихся в Государственной думе 12, 13, 15 мая 1909 г., октябристы с жаром отстаивали эту точку зрения. По мнению их ораторов (А.А. Уваров, В.А. Карякин и И.Л. Спирин), свобода проповедования являла собой «только простое естественное дополнение к понятию о свободе слова и свободе совести» и лишь предохраняла бы старообрядцев от произвола администрации. «Вопрос идёт о том, чтобы нельзя было преследовать старообрядцев за то, что они в какой-нибудь комнате или зале стали бы защищать свою веру», – убеждал А.А. Уваров. В явочном порядке регистрации общин октябристы также видели защиту от возможных козней местного начальства [10. Стб. 1060–1063, 1237, 1368, 1371].

Среди эмоциональных выступлений октябристских ораторов особняком стояла речь А.И. Звегинцева, целиком построенная на анализе действующего законодательства. Депутат привел конкретные статьи Свода законов, предоставлявшие право проповедования своей ве-

ры католикам, лютеранам и мусульманам, из чего следовало, что такое право может быть дано и старообрядцам. Затем он назвал законодательные акты, в которых термин «священнослужители» употреблялся по отношению к духовным лицам всех христианских исповеданий, даже к лютеранам, явно не имевшим «иерархии преемственной по рукоположению от святых апостолов» [10. Стб. 1243, 1247].

Из октябристов лишь полтавский депутат, помещик Е.Н. Шейдеман, поплыл против течения и высказался против свободы пропаганды. Предоставив старообрядцам свободу пропаганды, мы «возбудим неизгладимую ненависть между православным и старообрядческим духовенством», – предупреждал он [10. Стб. 1287]. Однако товарищи по фракции его не поддержали. От имени фракции Союза 17 октября П.В. Каменский заявил, что она «всецело присоединяется к поправкам Старообрядческой комиссии», включая право «свободного проповедования веры» [10. Стб. 1041].

Таковую же позицию заняли и конституционные демократы, отрядившие для участия в дебатах свою тяжёлую артиллерию – лидера фракции П.Н. Милюкова и признанного златоуста – В.А. Маклакова, а также забайкальского депутата Н.К. Волкова. Однако если октябристы делали упор на том, что старообрядцы, как «верные сыны России», достойны особого положения среди тех, кто не принадлежит к лону Господствующей православной церкви, то для кадетов обсуждаемый законопроект был важен как первый решительный шаг «на пути осуществления свободы совести» вообще. Так, П.Н. Милюков связал проблему регистрации старообрядческих общин «с правильным решением вопроса об отношении государства к религиозным общинам» в целом, ибо «то, что мы сейчас дадим одним, мы должны быть готовы распространить на всех». Точно так же Н.К. Волков утверждал, что «право проповедования должно быть предоставлено всем вероисповеданиям и вероучениям, терпимым в государстве» [10. Стб. 1216, 1224, 1293]. Такой же подход был присущ и мусульманской фракции, поддержавшей законопроект в редакции комиссии, именно как «шаг к реализации принципа свободы совести» [10. Стб. 1276].

По схожим соображениям поправки Старообрядческой комиссии поддержали и социал-демократы. Их представитель Н.С. Чхеидзе с трибуны заявил старообрядцам: «Симпатии всех национальностей в данном вопросе на вашей стороне. Имейте это в виду и боритесь до конца. Всё русское прогрессивное общество и все национальности в этом вопросе за вами» [10. Стб.

1390]. Одновременно социал-демократы и трудовики (Н.С. Чхеидзе, Т.О. Белоусов, А.Г. Мягкий) обрушились с резкими нападками на Православную церковь [10. Стб. 1072, 1197, 1380].

Против государственной поддержки Православной церкви выступили также прогрессисты. «Наша фракция единогласно вотирует за право свободного проповедования учения, явочного порядка и должного наименования духовных лиц», – заявил от их имени костромской адвокат В.С. Соколов, ибо «нельзя основывать права и преимущества нашей Церкви на том, что она в состоянии держаться властью урядников, станových, всех полицейских властей». Наоборот, «борьба для Православной церкви не только не вредна, она будет в высшей степени для неё плодотворной» [10. Стб. 1058].

Таким образом, вокруг поправок Старообрядческой комиссии сплотилось лево-октябристское большинство, включавшее в себя Союз 17 октября, кадетов, прогрессистов, трудовиков и социал-демократов. Правое меньшинство (правые, умеренно-правые, национальная фракция правых), наоборот, отвергало поправки, но приветствовало сам законопроект. Правда, и здесь имелись исключения. Два оратора, представлявшие умеренно-правых, старообрядцы Д.П. Гулькин и М.К. Ермолаев, заявили, что именно «старообрядческая комиссия выработала закон, соответствующий вероучению и желаниям старообрядцев». Её вариант «спасает старообрядцев от прежнего вмешательства администрации», и только он приемлем [10. Стб. 1040, 1315]. Интересно, что и Гулькин и Ермолаев принадлежали к Союзу русского народа, т.е. к крайне правой организации. Это не помешало им проявить солидарность со своими единомышленниками, сидящими на левых скамьях парламента, в вопросе, касающемся старообрядчества в целом. Отметим, что фракция умеренно-правых не только не воспрепятствовала этому, но и дала возможность Гулькину и Ермолаеву огласить своё мнение (противоречащее фракционному!) с трибуны Государственной думы. Умеренно-правые тем самым, видимо, хотели показать, что они против поправок Старообрядческой комиссии, но не против старообрядцев.

Об этом свидетельствуют и дифирамбы в адрес приверженцев древлеправославного христианства, которые включили в свои речи некоторые правые ораторы. Так, В.М. Пуришкевич (фракция правых) отметил «исконную преданность» старообрядцев «Престолу и отечеству» [10. Стб. 1100]. Крупенский (умеренно-правые) назвал их «самыми верными сынами государст-

ва и русского самодержавия» [10. Стб. 1352]. И.Я. Павлович (Национальная фракция правых) сказал о преданности староверов «русским государственным началам» и, в качестве доказательства, обратился к временам Северной войны, когда Ветковские старообрядцы «предложили русской армии все свои силы, все свои средства», оказались «лучшими разведчиками», «доносили о всех шагах шведов» и способствовали победе при Лесной [10. Стб. 1079]. Для епископа Евлогия старообрядцы были «родными сынами нашего единого, великого русского народа». Разделение с ними он назвал «братоубийственным». Выразив сожаление о Расколе, владыка указал, что поводом к нему послужило «печальное историческое недоразумение» [10. Стб. 1262].

В то же время правые обязаны были объяснить, почему они, симпатизируя старообрядцам, выступают против поправок, самим старообрядцам желательных. Для этого ораторы правых сделали акцент на сугубо политическом характере поправок и их неактуальности для большинства рядовых староверов. Епископ Евлогий по этому поводу говорил: «Свобода пропаганды нужна не верующим миллионам старообрядцев, а разве немногим новым вождям старообрядчества, вроде тех, которые сотрудничают в газете старообрядческой «Церковь», которые культивируют, к сожалению, вовсе не братские и вовсе не мирные чувства к своим православным братьям» [10. Стб. 1268]. «Идёт партийная и политическая борьба», – разъяснял П.Н. Крупенский, при этом «вопрос старообрядческий отходит на второй план». Если бы законопроект был принят в виде, предложенном правительством, то он легко «прошёл бы через все инстанции», – уверял оратор. Но оппозиции этого не нужно. Левые хотят посорить старообрядцев с правительством, поэтому вносят политизированные поправки, которые по большому счёту не нужны верующим и могут привести к провалу законопроекта [10. Стб. 1352–1359].

Об этом же говорил и В.М. Пуришкевич. Если бы правительственный законопроект прошёл гладко, у левых исчезло бы сильное оружие, утверждал он, поэтому оппозиция желает в тот момент, когда государь даровал старообрядцам свободу их верований «обставить получение этой свободы такими формами, чтобы создать разнь» между православными и старообрядцами. «В этом лежит подкладка тех поправок, которые сами по себе не имели бы большого значения, если бы не преследовали глубоко ненавистной нам политической цели – создать раздор и разлад...» [10. Стб. 1099, 1100].

Правые коснулись и существа поправок Старообрядческой комиссии, в том числе их юридического обоснования октябристским депутатом Звегинцевым. Епископ Евлогий заявил, что в названных Звегинцевым статьях Свода законов о свободе проповедования веры для мусульман, католиков, лютеран речь идёт о проповеди как принадлежности богослужения, о проповеди среди единоверцев, а не о миссионерской деятельности. В то время как из доклада комиссии и выступлений многих ораторов Евлогию стало ясно, что в поправке комиссии имеется в виду именно свобода религиозной пропаганды среди иноверцев, в том числе православных. Причем «это начало является прецедентом и предрешением общего вопроса о свободе пропаганды» для всех конфессий. Против этого владыка от имени думского духовенства высказал решительные возражения, предложив либо отвергнуть эту поправку, либо пояснить в законе, что речь идет о проповедовании веры «в своей среде», а не среди инославных [10. Стб. 1269–1270].

Предоставление старообрядцам свободы религиозной пропаганды вызвало наибольшие возражения со стороны депутатов-священников. Что будет «со всеми этими простецами», «когда на них нахлынет иноверческая пропаганда со всей неразборчивостью в средствах?» – вопрошал батюшка из Витебской губернии Ф.И. Никонович (фракция правых) [10. Стб. 1298]. Его товарищ по фракции, отец А.А. Попов, в простоте душевной объяснял: «у меня в распоряжении 3000 душ моей православной паствы, и они раскинуты на 20–30 верстах по разным деревням и местечкам, а у моего противника не 300 и не 100, а 25 или 12 душ». По мнению Попова, налицо было неравенство условий для идеологической борьбы: «Тогда как я едва успеваю исполнять свои обязанности, ему положительно делать нечего, ему только и делать, что заниматься пропагандой» [10. Стб. 1291].

Между тем идейно-религиозная борьба представителей Господствующей и Старообрядческой церкви могла принять очень острые формы. Минский священник А.Д. Юрашкевич (фракция правых) предупреждал: «старообрядцы, близкие к нам по обряду, нас считают еретиками и, при том, злейшими еретиками», как же можно давать им свободу пропаганды? [10. Стб. 1035]. Ещё более резко выразился член фракции правых В.К. Тычинин, заявивший: «среди старообрядцев есть толки и согласия, которые держатся не только учений и верований, противоречащих здравому смыслу, но даже и изуверных». «Например, разве учение о

воцарении в нашей Православной Церкви антихриста не изуверное учение?» – апеллировал он к депутатам и задавал риторический вопрос: «разве можно таким толкам и соглашениям давать свободу пропаганды?» [10. Стб. 1364]. Такого же рода вопросы с думской трибуны задавал и отец Н.С. Балалаев («Имеют ли право на пропаганду аароновцы, которые не признают Православного правительства, не признают и вас, господа, как законодателей, отвергают регистрацию, грехом почитают записывать себя в паспорта», или «бегуны, признающие в лице православного Царя антихриста, уклоняющиеся от отбывания воинской повинности, от присяги?») [10. Стб. 1054].

Наличие в старообрядчестве ответвлений вроде бегунов, аароновцев, спасовцев, далеко отошедших от православия к сектантству, стало главным аргументом правых и против поправки о явочном порядке регистрации старообрядческих общин. Они полагали, что разрешительный порядок позволит предотвратить легализацию деструктивных сект, прикрывающихся старообрядческим именем.

Не менее принципиальный характер носила поправка о признании законом священства у старообрядцев, ибо она ставила иерархов Православной церкви в совершенно невозможное положение. Ведь законность старообрядческой иерархии, её епископов и архиепископов в каноническом смысле неизбежно означала неистинность иерархии Господствующей церкви. Поэтому член фракции правых, епископ Митрофан, должен был заявить: «при всём сознании близости и родства членов Православной Церкви со старообрядцами, наша Православная Церковь всё-таки не может принять того, что будет для неё полным самоотрицанием» [10. Стб. 1072].

Правые находили, что вопрос о священстве – сугубо церковный и не может быть предметом государственного законодательства. Они надеялись, что его решит ожидавшийся Поместный собор Русской православной церкви, который преодолет и церковный раскол. Поэтому правые заявили, что будут голосовать «против искажения правительственного законопроекта» и внесут поправки в «соответствующих местах» [10. Стб. 1379].

Поправки были внесены епископом Евлогием после перехода ко второму (постатейному) чтению. В первой статье епископ предложил ограничить старообрядцам возможность проповедования своей веры пределами их «религиозных и образовательных учреждений», а также «погостов и кладбищ». Однако эта поправка

была отклонена [10. Стб. 1404]. Следующая поправка была предложена к статье 4. Эта статья не принадлежала к числу наиболее спорных, но и вокруг неё развернулась дискуссия. Речь шла о минимально возможном числе учредителей старообрядческой общины. Правительство называло цифру 50 человек, комиссия уменьшила необходимое число учредителей до двенадцати. Октябрист П.А. Неклюдов (пошедший, как и Шейдеман, против воли фракции) предложил вернуться к цифре, имевшейся в правительственном законопроекте, но его поправка не была поддержана [10. Стб. 1405–1406].

К статье 5 вновь сделал поправку епископ Евлогий. Он рекомендовал заменить в ней (и во всем тексте законопроекта) термин «священнослужители» понятием «духовные лица». Поправка также провалилась [10. Стб. 1407]. Следующая статья оговаривала порядок регистрации старообрядческих общин. Священник Н.Ф. Лебедев (фракция умерено-правых) внёс поправку о возвращении к правительственному варианту (о разрешительном порядке регистрации), но Дума её отклонила [10. Стб. 1412]. Такая же судьба ждала поправку его товарища по фракции Крупенского к статье 47 о том, что духовными лицами не могут быть те, кто находился под судом или исключался за проступки из своего сословия [10. Стб. 1419].

Таким образом, все поправки правых были отвергнуты, и во втором чтении законопроект был принят в редакции Старообрядческой комиссии.

Третье чтение состоялось 21 мая 1909 г. Накануне его свои поправки внёс представитель национальной фракции правых И.М. Коваленко. Самая существенная из них касалась статьи 1. Вслед за Евлогием, Коваленко предлагал ограничить проповедование старообрядцами своей веры храмами, молитвенными домами «и при отправлении духовных треб». Как и ожидалось, лево-октябристское большинство провалило эту поправку. И в третьем, окончательном чтении Государственная дума вновь одобрила вариант Старообрядческой комиссии [10. Стб. 1626–1628].

Правительство, таким образом, потерпело поражение. Оно не смогло опереться на право-октябристское большинство, для сплочения которого Столыпин в своё время приложил столько трудов [11. С. 125]. Октябристы, вместо того чтобы одобрить очередной столыпинский законопроект, в комиссии, вкуче с левыми, внесли в него неприемлемые для Совета министров поправки и провели их через Государственную думу. Это было проявлением левения октябристов и кризиса в их отношениях с премьером, начавшегося в 1909 г.

Между тем проект закона о старообрядческих общинах перекочевал в Государственный совет, где для его рассмотрения была создана особая комиссия. Её первое деловое заседание состоялось 11 ноября 1909 г. Председательствовал П.Н. Дурново – лидер правого крыла Государственного совета и давнишний противник Столыпина. Дурново и его сторонники, преобладавшие в комиссии, не только встретили в штыки поправки Старообрядческой комиссии Государственной думы, но и сам правительственный проект сочли недостаточно обеспечивающим интересы государства и Православной церкви. Однако отвергнуть законопроект целиком они не решились. Но «зубры» из верхней палаты внесли в него существенные изменения. Разумеется, в первую очередь члены комиссии Государственного совета удалили либеральные поправки, внесённые Государственной думой (право проповедования веры, право образовывать общину 12 лицами, явочный порядок регистрации общин, наименование старообрядческих духовных лиц священнослужителями). Затем настал черед льгот, имевшихся в Указе 17 октября 1906 г. и соответствовавшем ему столыпинском законопроекте. Поправки Государственного совета затруднили их осуществление рядом препонов. Теперь для общей молитвы старообрядцы могли собираться только в храме или ином «помещении» (а не «месте», как значилось в столыпинском законопроекте). Женщины теряли право быть учредительницами общины. Община не должна была распространять свою деятельность на несколько губерний и могла образовываться только при уже существующем храме или молельном доме [12. С. 1102]. Для согласования этих поправок с Государственной думой была образована комиссия из депутатов обеих палат. Но к общему мнению, естественно, прийти не удалось. Для лево-октябристского большинства новшества Государственного совета заведомо были неприемлемы.

Дальше законопроект в версии Государственного совета должен был поступить на новое рассмотрение Думы, депутаты которой, конечно, его бы провалили. Однако тогда, согласно Основным законам Российской империи, автоматически прекратил бы действие и соответствовавший ему царский указ 17 октября 1906 г., и старообрядцы в правовом отношении были бы отброшены далеко назад. Правда, Государственная дума не спешила обсуждать старообрядческий законопроект в новой версии. Но дамоклов меч его провала постоянно висел над старообрядцами.

В этой связи в апреле 1912 г., когда срок деятельности III Думы близился к концу, руко-

водители Совета съездов старообрядцев Д.В. Сироткин, П.П. Рябушинский и М.И. Бриллиантов добились встречи с председателем Совета министров В.Н. Коковцовым (во время его пребывания в Москве), чтобы выяснить судьбу законопроекта. Премьер их успокоил. Он заверил собеседников, что «какая бы судьба ни постигла старообрядческий законопроект, старообрядцы, во всяком случае, без закона не останутся, так как правительство издаст закон об общинах в порядке ст. 87 основных законов» [12, с. 1102]. (Как мы помним, как раз согласно 87-й статье был издан Указ 17 октября 1906 г.)

Граф Коковцов своё слово сдержал. Когда осенью 1912 г. начала работу IV Дума, её вниманию был предложен очередной вариант законопроекта о старообрядческих общинах. Он, однако, был передан в комиссию по вероисповедным вопросам, где сильное влияние имели депутаты – священники господствующей православной церкви. Надеяться, что эта комиссия даст старообрядцам свободу проповедования или явочный порядок регистрации общин, не приходилось. Лидеры старообрядчества забили тревогу.

В феврале 1913 г. многие из них прибыли в Петербург для принесения поздравлений государю по случаю 300-летия царствования Дома Романовых. Воспользовавшись случаем, они провели собрание по поводу судьбы законопроекта. Соответствующий доклад сделал депутат IV Думы С.Р. Кириллов (старообрядец поморского согласия из Витебской губернии, член фракции русских националистов и умеренно-правых). Было решено выбрать депутацию для посещения «влиятельных и сочувствующих старообрядчеству членов Государственной думы» с тем, чтобы просить их «содействия образованию в Государственной думе комиссии по старообрядческим вопросам и проведению в состав её лиц сочувствующих старообрядчеству и хорошо знающих его нужды» [13, с. 527].

В депутацию вошли Д.В. Сироткин и М.И. Бриллиантов (от поповцев), С.Р. Кириллов, Г.П. Романов (от поморцев), А.В. Пылин, И.Л. Куканов, Н.А. Александров, А.К. Иванов (от федосеевцев). 23, 25, 26 и 27 февраля они встречались с представителями фракций РСДРП (М.И. Скобелев), трудовиков (А.Ф. Керенский), прогрессистов (И.Н. Ефремов, А.С. Посников М.А. Караулов), конституционных демократов (М.С. Аджемов, В.А. Маклаков, Ф.И. Родичев, А.И. Шингарёв), октябристов (Н.И. Антонов, А.И. Звегинцев, В.С. Дрибинцев), Центра (П.Н. Крупенский) русских националистов и умеренно-правых (П.Н. Балашов).

В итоге 6 марта 1913 г. 31 член Государственной думы внёс заявление о создании особой Старообрядческой комиссии. Против этого выступил лишь один депутат – священник Митроцкий (фракция русских националистов и умеренно-правых). Своё мнение он обосновал тем, что Комиссия по вероисповедным вопросам уже избрала особое совещание для рассмотрения законопроекта о старообрядческих общинах и назначила докладчика. Но Дума не прислушалась к его аргументам и 142 голосами против 78 одобрила создание отдельной Старообрядческой комиссии [14. Стб. 1939–1949]. 15 марта 1913 г. она была избрана в составе 22 человек: А.И. Рыслев (трудолик), М.И. Скобелев (РСДРП), Н.Ф. Каптерев, М.А. Караулов (прогрессисты), В.А. Харламов, В.А. Маклаков, С.П. Мансырев, Ф.А. Ерёмин (кадеты), А.И. Звегинцев, В.С. Дрибинцев, И.А. Бажанов, Г.М. Миляков, Г.Г. Мазуренко (Союз 17 октября), И.С. Васильчиков (фракция Центра), И.Д. Дроздовский, М.В. Митроцкий, В.Р. Кириллов, В.П. Шеин, А.Г. Альбицкий (фракция русских националистов и умеренно-правых), В.И. Лентовский, И.И. Богомолов, Г.А. Шечков (правые). Возглавил комиссию специалист по истории Раскола Н.Ф. Каптерев, сочувствовавший старообрядцам.

Расклад сил внутри комиссии был примерно таким же, как и в III Думе. Преобладало лево-октябристское большинство. Однако на этот раз оно было гораздо менее активно – комиссия заседала всего 4 раза за первые две сессии (в III Думе – до 10 раз в сессию). Камнем преткновения по-прежнему являлся вопрос о свободе религиозной пропаганды. Чтобы его решить, Старообрядческая комиссия создала редакционную подкомиссию для выработки постановления о праве проповедования. Но никаких видимых результатов достигнуто не было [15, с. 292].

По сути, дело зашло в тупик. Правительство не хотело отступать в двух принципиальных вопросах (о свободе пропаганды и признании священства у старообрядцев). Но и приверженцы старой веры проявляли упорство. На XIII съезде старообрядцев (1913 г., 7–9 ноября) было заявлено о невозможности для старообрядцев отказаться от спорных пунктов законопроекта [12, с. 1172]. В итоге он так и не был принят. Старообрядческая комиссия даже не успела подготовить его к обсуждению. Начавшаяся мировая война остановила её работу.

Следует сказать, что три главных поправки, вокруг которых ломались копыя (о религиозной пропаганде, священстве и явочном порядке регистрации общин) всё-таки не были для старо-

обрядцев жизненно важными. Здесь историк должен согласиться с ораторами правых фракций Государственной думы. В самом деле, ведь в 1906–1917 гг. эти поправки не действовали. В это время применялся Указ 17 октября 1906 г., который не давал старообрядцам свободы проповедования, не называл старообрядческих духовных лиц священниками, устанавливал разрешительный порядок регистрации общин. И, тем не менее, современные историки справедливо называют этот период «золотым десятилетием» в истории старообрядчества. Только к началу 1910 г. в России было зарегистрировано 1300 (!) старообрядческих общин. До 1914 г. построили более 1000 старообрядческих храмов. Приверженцы Древлеправославного христианства издавали массу литературы, создавали общественные организации, осуществляя тем самым проповедование своей веры [16, с. 193]. Старообрядческие духовные лица спокойно титуловали себя согласно принятой у себя иерархии, в том числе епископами.

Таким образом, нормы Указа 17 октября 1906 г. (основанного, как мы помним, на пожеланиях самих старообрядцев) предоставляли старообрядчеству достаточные условия для благополучного существования. Что касается поправок, сделанных Старообрядческой комиссией в правительственном законопроекте, то они носили заведомо конфронтационный характер и были направлены на возбуждение нового конфликта староверов с властями.

Эту цель оппозиция могла считать достигнутой. 27 марта 1914 г. начетчик В. Макаров с плохо скрываемым удовлетворением писал в либеральной газете «Русские ведомости»: «Прежняя вера значительной части старообрядцев в добрую волю власти, в её искреннее благожелательное отношение к новым правам пала, как она пала по всей стране, особенно после

того “предметного урока”, который старообрядческая масса получила при обсуждении в законодательных палатах законопроекта о старообрядческих общинах».

Список литературы

1. Дневники императора Николая II. М., 1991.
2. Труды Шестого Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2–5 августа 1905 г. Нижний Новгород, 1905.
3. Доброжелатель. Среди старообрядцев // Старообрядцы. 1908. № 2–3.
4. Проект закона о старообрядческих общинах, одобренный VIII Всероссийским съездом старообрядцев в Нижнем Новгороде 2–5 августа 1907 г. М., 1908.
5. Старообрядцы. 1908. № 2–3.
6. Старообрядцы. 1908. № 8–9.
7. Нижегородский листок. 1908. 5 авг.
8. Селезнев Ф.А. Старообрядческая буржуазия и политические партии в революции 1905–1907 годов // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005.
9. Воробьева Ю.С. Родословная Гучковых // Из глубины времён. Вып. 12. СПб., 2000.
10. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV. Заседания 101–126 (с 27 апреля по 2 июня 1909 г.). СПб., 1909.
11. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.
12. Церковь. 1913. № 46.
13. Церковь. 1913. № 22.
14. Государственная дума. Четвёртый созыв. Сессия I. Заседания 1–33 (с 15 ноября 1912 г. по 29 марта 1913 г.). СПб., 1913.
15. Демин В.А. Комиссия по старообрядческим вопросам // Государственная дума России: Энциклопедия в 2 томах. Т. 1. Государственная дума Российской империи. М., 2006.
16. Козлов В.Ф. Московское старообрядчество в первой трети XX в. (храмы, молельни, общественные организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999.

DESTINY OF THE BILL ON OLD-BELIEVER COMMUNITIES (1905–1914)

F.A. Seleznev

An analysis of the development and discussion of the bill on Old-Believer communities is presented. The author considers in detail the course of debates in the State Duma in 1909. The research is based on official documents and verbatim report of the State Duma sessions. Special attention is paid to the activity of D.V. Sirotkin, one of the founders of the Old-Believer movement in Russia. The article also describes the relations between the Old-Believers and some factions of the State Duma.